

С.Ю. МАЛЫШЕВА

«МЕЖДУ БЛАГОЧЕСТИВЫМИ ПОТОМКАМИ ВРЕМЕНИ И ОСТЕРВЕНЕЛЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ПРОСТРАНСТВА» ГЕТЕРОТОПИЧНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА

В статье метафора гетеротопии и принципы топологии гетеротопии М. Фуко рассматриваются применительно к пространству российского университета. Автор высказывает предположение о конструктивности использования этой метафоры в современных спорах и размышлениях о судьбах российских университетов и университетской корпорации.

Ключевые слова: университет, университетская корпорация, университетская культура, пространство и время, гетеротопия.

Перемены в жизни российских университетов на протяжении сравнительно недолгой их истории неизменно вызвали разные оценки, во многом обусловленные несохлждением представлений об идеальном образе университета, его роли и назначении. Однако, отстаивали ли одни идею хронотопической и культурной уникальности университета, а другие – оспаривали ее, встраивая университет в бюрократическую систему и соответствующую бюрократическую культуру, важным представляется в этих дебатах апелляция к фигуре места, пространства университета.

История пространства, по меткому наблюдению Мишеля Фуко, это история власти. Современную эпоху Фуко еще полвека назад определил, как эпоху пространства, эпоху одновременного, когда мир больше не ощущается как «великая жизнь, проходящая сквозь время», когда время десакрализовано. Мир воспринимается как сеть, связующая все элементы, как пространство взаимодействия, игры отношений. Согласно Фуко, подоплеку многих современных идеологических конфликтов и разворачивающейся полемики, определяет конфликт «между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства»¹. Для объяснения истории дебатов об университете и университетской культуре представляется привлекательным и, возможно, конструктивным использовать метафору гетеротопии – особого, «другого» пространства, связанного со всеми остальными, но и противоречащего им, пространства, которое не только представляет всю совокупность отношений (в т.ч. власти-подчинения), но и оспаривает ее и переворачивает². В последние пару десятилетий она успешно применялась для изучения самых разных пространств³, но менее всего – по отношению к университету.

---

¹ Фуко 2006. С. 191.

² Там же. С. 195-196.

³ Напр.: Heterotopia and the City... 2008; Беззубова 2010; Квят 2014; и др.

Несмотря на то, что тезис о гетеротопии сегодня воспринимается как спорный, использование этого инструмента может быть полезным в размышлениях о судьбах университета и университетской культуры в России. Фуко условно выделил шесть принципов описания, топологии гетеротопии, которые просматриваются и при характеристике университета. Университет, безусловно, являет собой «кризисное» или «девиантное» пространство, о котором писал Фуко⁴. Согласно его топологии, это место для индивидов, находящихся в кризисном/девиантном состоянии по отношению к остальному обществу. Речь здесь идет, прежде всего, об учащемся юношестве, находящемся в кризисном состоянии обретения знаний и в процессе профессиональной инициации. Собственно, эта кризисность во многом и обуславливала традиционную «девиантность» (и протестность) студенческой субкультуры. Кроме того, речь идет и о традиционной интеллектуальной (и не только) кризисности/«девиантности» университетариев: ведь производство нового знания – это тоже кризисное/девиантное явление, с точки зрения мыслительной нормы. И эта кризисность/девиантность в современном мире углубляется, что особенно касается историков, традиционно отстаивающих долговременное мышление – в противовес господству краткосрочного мышления⁵. Это качество университета в значительной степени позволяло позиционировать его как особую научную корпорацию со специфическим стилем мышления и поведения и говорить об университетской культуре⁶.

Кризисность, как черта университетской гетеротопии, представляется одной из базисных. В этой связи вспоминается интересная статья А.Н. Дмитриева о переизобретении советского университета⁷ и его критика благостных примирительных описаний/самоописаний университетских историй. Действительно, и историографически, и практически многократно производились усилия по сглаживанию университетской кризисности/девиантности. Как в свое время в XIX в. правительство старательно лепило из университетского профессора чиновника и заваливало бюрократическими процедурами и бумагами, так и в советское время его позиционировали как «совслужащего», долженствовавшего придерживаться в своих взглядах и поведении соответствующего этатистского стандарта. Последние десятилетия явно не укрепили позицию университета, как «девиантного»/кризисного пространства, места производства «долговременного», фундаментального знания и культуры и техник их освоения. В этом плане университетское пространство все меньше нейтрализует, приостанавливает и переворачивает всю совокупность отношений, а скорее воспроизводит то, что происходит за его пределами. И это обстоятельство связано со второй чертой в топологии гетеротопии.

---

⁴ Фуко 2006. С. 197-198.

⁵ См.: Гулди, Армидедж 2015. С. 25-26, 33, и др.

⁶ См.: Вишленкова, Мальшева, Сальникова 2005.

⁷ Дмитриев 2013.

В разные исторические периоды общество по-разному и в большей или меньшей степени способствует функционированию гетеротопии⁸. Это очевидно и на примере смены представлений о типах и задачах университетов⁹. В первые советские десятилетия университету навязывались варианты отказа от гетеротопичности путем, с одной стороны, соединения его с непосредственным производством, политехнизации. Наблюдался «дрейф» от имперского, «классического» университета к университету, так сказать, «политехнического типа», находящегося в столь тесной связи с производством, буквально «уходящим в практику», что университет дробили на соответствующие отраслям промышленности институты. Так, в Казанском университете это едва не привело к его закрытию: к 1928 г. в его составе, кроме рабфака, остались только два факультета – физико-математический и медицинский, а после создания мединститута к концу 1930/31 уч. года – только физмат и выделенный из него геолого-биологический¹⁰. С другой стороны, внутри университетской гетеротопии пытались насаждать отношения, которые она, по определению, призвана была приостанавливать, нейтрализовать и переворачивать. Насаждение коммунистической идеологии, семантическое перекодирование взаимоотношений внутри университетского и научного сообщества в категориях социально-политического противостояния имели вполне реальные практические последствия, воплотившись в напряженные отношения между разными группами студенчества, между «красными» студентами и «старой профессурой», между новоявленными «комиссарами от образования» и профессорско-преподавательской корпорацией, между разными частями этой корпорации¹¹. Университеты оказались под угрозой размывания корпорации и базовых принципов ее организации и существования.

Сегодня гетеротопия университета размывается не столько процессами коммерциализации, сколько процессами формального бюрократического рейтингования, ставшего фактически новой идеологией университетского управления. Очевидна тенденция к типу менеджериального университета, нацеленного на получение быстрых сиюминутных результатов, работающего в режиме коммерческой фирмы, холдинга. Как подчеркивает О.Н. Запорожец¹², к концу XX в. университет уже признается аналитиками аналогом экономической корпорации, в центре которой стоит фигура менеджера, а не ученого и преподавателя, корпорации, основанной на системе менеджмента и получения прибыли, доказательств эффективности, что неминуемо ведет к деформации уни-

⁸ Фуко 2006. С. 198.

⁹ Об этом см., например: Вишленкова 2011.

¹⁰ История Казанского университета. 2004. С. 287-288, 310-311.

¹¹ См. об этом, напр.: Малышева, Сальникова 2007; Malyseva, Sal'nikova 2007.

¹² Запорожец 2011. С. 34.

верситетской культуры. Согласно З. Бауману¹³, в ней происходит, в частности, нарушение логики научного поля – ограничение циркуляции научной информации, нарушение принципов академического взаимодействия (подрыв корпоративной солидарности и формирование новых, неакадемических иерархий), увеличивается значение индивидуальной карьеры и самопродвижения, и т.д. Такие деформации, возможно, свидетельствуют о переходе университета в разряд иных топосов. Движение университета в сторону бизнес-корпорации ставит под вопрос само существование его как институции. Ведь, как таковую, университет отличает долговременность, позволяющая осуществлять исследования и «размышления в длительных временных рамках»¹⁴. А «период полураспада» бизнес-корпорации в XX в. составил примерно 75 лет¹⁵.

Характерная черта университета, как всякой гетеротопии, – уникальное сочетание и сопоставление в одном месте нескольких пространств, которые сами по себе несовместимы¹⁶. Ведь сама идея Университета – это образ *Universitas*, Вселенной во всем ее многообразии, собранном в одном месте. Почему, кстати, так популярны в ранней истории европейских и российских университетов ботанические сады. В этом плане неотъемлемые атрибуты университета – рукотворные, творимые пространства, сами являющиеся гетеротопиями. Это пространства как «сохраняющие или накапливающие время» (архивы, библиотеки, музеи), так и «двигающие» его вперед (клиники, лаборатории). Причем, пространства, «непрерывно накапливающие время», традиционно играли особую роль в этой конфигурации. Однако ныне выстраивается иная конфигурация Вселенной-Университета, иное сочетание несовместимых многообразий, отвечающее идее взаимодействия и игры отношений в пространстве. Присутствие в этой конфигурации, например, офисов производственной фирмы, офисов банков, многочисленных бюрократических служб и отделений сплавляются в иной образ университета-Вселенной, в котором по мере десакрализации времени активно теснятся на периферию «накапливающие время» традиционные университетские пространства. Они не перестают существовать, но занимают иное место в иерархии университетских пространств, утрачивают сакральность, к ним предъявляются иные требования. Презентация исторической ретроспективы, «интеллектуальной родословной» Университета более не рассматривается как актуальная задача. Симптомом актуализации идеологии краткосрочности стало и исчезновение в университетах страны исторических факультетов, растворенных в других структурах. Менеджеральная культура склонна позиционировать свое настоящее и соб-

¹³ Бауман 2005. Цит. по: Запорожец 2011. С. 35-36.

¹⁴ Гулди, Армитедж 2015. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Фуко 2006. С. 200.

ственные начинания как начальную, стартовую точку истории университета (по крайней мере, «новой» истории университета). И «накапливающие время» пространства нагружаются задачами, отличными от их основного профиля – например, PR-задачами презентации и продвижения имиджа Университета вовне.

Эта другая конфигурация Universitas обнаруживает ревизию еще одной черты университета как гетеротопии – ее связи с раскроем времени, с гетерохронией¹⁷. В гетеротопии университета время имеет безусловную и особую ценность. Как точно заметила Е.А. Вишленкова в статье, посвященной темпоральности университета, «профессора антропологизировали время, то есть сделали его равноправным участником (субъектом) корпоративной коммуникации и наделили пространство признаками объектности»¹⁸. Если следовать Фуко, роль университета, как гетеротопии, необыкновенно усиливается, когда люди оказываются в абсолютном разрыве с их традиционным временем. А традиционное время университета – это, прежде всего, долговременность. Разрыв с традиционным временем актуализирует роль университетов, как гетеротопии, побуждая университетских людей размышлять об утрате этой временной преемственности, о долговременности, о разрыве связи поколений, о выпадении из временного контекста, о безвременье. В условиях нестабильности контекста его существования университетское сообщество особенно ощущает ценность времени и свою ориентированность, прежде всего, на время, на долгое время, а не на пространство, на важность историчности университета. Представляется, что именно покушение на историчность, темпоральность университетской жизни вызывает наиболее болезненную реакцию, беспокойство университетского сообщества. Такой небесспорный пример: не все в университетском сообществе с восторгом отнеслись к идее и термину «дорожных карт». Само название предполагает восприятие больших исторических периодов (20 лет) в качестве некоей равноположенной синхронной данности, которую легко расчертить, распланировать и наполнить заданным содержанием, исходя из актуального сегодня. На этой «карте» время уподобляется покоряемому пространству. Самим термином «дорожная карта» план повременного развития переводится в плоскость пространственного восприятия, а уникальность времени, его течения, уникальность каждого его исторического промежутка во внимание не принимается.

Университету как гетеротопии свойственна еще одна черта – соотношение открытости и замкнутости, которая одновременно и изолирует университетское пространство, и делает его проницаемым¹⁹. Иначе говоря, университетское пространство, университетское сообщество про-

---

¹⁷ Фуко 2006. С. 200-201.

¹⁸ Вишленкова 2011.

¹⁹ Фуко 2006. С. 202.

ницаемо, в него можно попасть при соблюдении определенных условий и ритуалов, требующих долгого времени (вступительные испытания, защита диплома, работа над научной темой, защита диссертации, и пр.). Десакрализация времени как важного залога соблюдения этих условий и ритуалов, их редуцирование, казалось, ведет к большей проницаемости университета. Однако этот перекоп в сторону его открытости снимается за счет конструирования новых условий и ритуалов, основанных не на требующих серьезных временных затрат принципах постепенности и развития. В первые годы советской власти, после снятия указанных «фильтров», такими новыми условиями и ритуалами стало «правильное» социальное происхождение и/или демонстрация лояльности / преданности новому режиму и идеологии. Современные условия причисления к университетскому сообществу и ритуалы его репрезентации все больше ориентируются на идеологию краткосрочности и формального рейтингования. Если проанализировать дискурсы современных университетских сайтов, становится очевидным включение режима «быстрый натиск и успех, неожиданное открытие и достижение, прорыв». Это та самая узнаваемая эпическая тенденция «Культуры Два» В. Паперного: страстное желание «чуда» взамен рутинного долгого кропотливого «дела», побуждающее стремящихся «подняться до вершин» профессионалов «сбросить с себя оковы профессионализма и броситься в пучины эпоса»²⁰. Так, у всех на слуху методы обретения мгновенного блаженства и большого Хирша в виде покупных скопусовских публикаций в сомнительных журналах и «радости взаимного цитирования». Однако такое изменение принципов проницаемости и открытости качественно деформирует сам топос, университетскую культуру и научную этику.

Университет как гетеротопия, выполняет по отношению к другим пространствам своеобразную и важную «идеальную» функцию. Эта функция реализуется, с одной стороны, через воплощение университетом идеального, совершенного пространства: компенсаторная «романтическая» функция «храма науки». С другой стороны, как гетеротопия, университет создает иллюзорное пространство, обличающее реальное как еще более иллюзорное²¹. Выполняет ли университет ныне эту компенсаторно-иллюзорную идеальную функцию? Иначе говоря, является ли он ныне храмом науки или знаний, или препарирующим и обличающим современное общество и историческую реальность субъектом? И здесь снова встает вопрос о пределах допустимого, критического для университетской культуры нивелирования этих гетеротопических черт.

Прочувствованная М. Фуко полвека назад угроза десакрализации времени и ее последствий интересным образом перекликается сегодня с артикулируемыми историками тревогами. Чему свидетельство – вы-

²⁰ Паперный 2006. С. 293, 296.

²¹ Фуко 2016. С. 203-204.

шедшая в 2014 г. в Кэмбридже и уже переведенная почти на десяток языков книга Джо Гулди и Дэвида Армитеджа «Исторический манифест»²². Повсеместное торжество краткосрочности, дефицит долговременного мышления и долговременной ответственности, важнейшим оплотом которых всегда являлись университеты и, в частности, историческая наука, позиционируются ими как одна из системных угроз культуре и обществу, цивилизации. История и историчность, долговременность мышления, утверждение вариативности исторического развития и будущего – это, по их словам, та свобода выбора, которая является «важнейшим лекарством для общества, парализованного краткосрочным мышлением»²³. И с этим утверждением трудно не согласиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Беззубова О.В. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна. Сб. статей. М.: Архитектура-С, 2010. С. 27-31.
- Вишленкова Е.А. Представительство или универсализм: университет в истории России // Русский журнал. 2011. 27 декабря. URL: <http://russ.ru/pole/Predstavitel-stvo-ili-universalizm-universitet-v-istorii-Rossii> (дата обращения: 22.02.2016).
- Вишленкова Е.А. Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX в. (Ч. 1) // Культурологический журнал. 2011. № 1(3) // URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (дата обращения: 09.07.2015).
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005. 500 с.
- Гулди, Джо; Армитедж, Дэвид. Исторический манифест / Пер. с англ. // Ab Imperio. 2015. № 1. С. 21-75; № 2. С. 25-61; № 3. С. 23-71; № 4. 27-77.
- Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 41-64 // URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/logos-58.pdf>.
- Запорожец О.Н. Университет как корпорация: Интеллектуальная картография исследований: препринт. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 48 с.
- История Казанского университета. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 656 с.
- Квят А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 65-75.
- Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Старый мир при новой власти: Казанский университет в советском политическом пространстве // Мир Ключи. Сборник статей в честь Л.П. Репиной. Т. 2 / Ред. О.В. Воробьева. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 97-114.
- Паперный В. Культура Два. 2-е изд. испр., доп. М.: НЛЮ, 2006. 408 с.
- Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191-204.
- Guldi, Jo / Armitage, David. The History Manifesto. Cambridge: CUP, 2014. 165 p.
- Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Eds. Michiel Dehaene & Lieven De Caeter. London; New York: Routledge, 2008. 360 p.
- Mal'yeva S., Sal'nikova A. Die russische akademische Kultur im 20. Jahrhundert: Kontinuitäten und Brüche am Beispiel der Universität Kazan' // Matthias Buegel, Andreas Umland (Hrsg.). Geistes- und sozialwissenschaftliche Hochschullehre in Osteuropa III. Transformation und Stagnation an postsowjetischen Universitäten. Mit einem Geleitwort von Michael Daxner. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2007. S. 41-68.

²² Guldi 2014. Русский перевод опубликован в 2015 г. в журнале «Ab Imperio».

²³ Гулди, Армитедж 2015. С. 33.

REFERENCES

- Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2005. 390 s.
- Bezzubova O.V. Geterotropii gorodskogo prostranstva: k istorii kontsepta // Estetika arkhitektury i dizaina. Sb. statei. M.: Arkhitektura-S, 2010. S. 27-31.
- Vishlenkova E.A. Predstavitel'stvo ili universalizm: universitet v istorii Rossii // Russkii zhurnal. 2011. 27 dekabrya. URL: <http://russ.ru/pole/Predstavitelstvo-ili-universalizm-universitet-v-istorii-Rossii> (data obrashcheniya: 22.02.2016).
- Vishlenkova E.A. Temporal'nost' i vospriyatie vremeni v rossiiskom universitete XIX v. (Ch. 1) // Kul'turologicheskii zhurnal. 2011. № 1(3) // URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (data obrashcheniya: 09.07.2015).
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani. Kazan': KGU, 2005. 500 s.
- Guldi, Dzh.; Armitedzh, Devid. Istoricheskkii manifest / Per. s angl. // Ab Imperio. 2015. № 1. S. 21-75; № 2. S. 25-61; № 3. S. 23-71; № 4. 27-77.
- Dmitriev A. Pereizobretenie sovetskogo universiteta // Logos. 2013. № 1 (91). S. 41-64 // URL: <http://www.logosjournal.ru/arch/58/logos-58.pdf>.
- Zaporozhets O.N. Universitet kak korporatsiya: Intellekтуal'naya kartografiya isledovatel'skikh podkhodov: preprint. M.: Izd. dom VShE, 2011. 48 s.
- Istoriya Kazanskogo universiteta. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2004. 656 s.
- Kvyat A.G. «Vse budet inache»: gorodskoi piknik kak geterotopiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 388. S. 65-75.
- Malysheva S.Yu., Sal'nikova A.A. Staryi mir pri novoi vlasti: Kazanskii universitet v sovetskom politicheskom prostranstve // Mir Klio. Sbornik statei v chest' L.P. Repinovi. T. 2 / Red. O.V. Vorob'eva. M.: IVI RAN, 2007. S. 97-114.
- Papernyi V. Kul'tura Dva. 2-e izd, ispr., dop. M.: NLO, 2006. 408 s.
- Fuko M. Drugie prostranstva // Fuko M. Intellekтуaly i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuu. Ch. 3. M.: Praxis, 2006. S. 191-204.
- Guldi, Jo / Armitage, David. The History Manifesto. Cambridge: CUP, 2014. 165 p.
- Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society / Eds. Michiel Dehaene & Lieven De Caeter. London; New York: Routledge, 2008. 360 p.
- Malysheva S., Sal'nikova A. Die russische akademische Kultur im 20. Jahrhundert: Kontinuitäten und Brüche am Beispiel der Universität Kazan' // Matthias Buegel, Andreas Umland (Hrsg.). Geistes- und sozialwissenschaftliche Hochschullehre in Osteuropa III. Transformation und Stagnation an postsowjetischen Universitäten. Mit einem Geleitwort von Michael Daxner. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2007. S. 41-68.

Светлана Юрьевна Малышева, доктор исторических наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru; svetatuebingen@mail.ru

**“Between pious descendants and frenzied space dwellers”
heterotopia of a university**

In the article, the metaphor of a heterotopia and the principles of topology of a heterotopia of M. Foucault are employed in relation to the space of the Russian University. The author suggests a constructive use of this metaphor in contemporary debates and reflections about the fate of Russian universities and University Corporation.

Keywords: university, university corporation, university culture, space and time, heterotopia

Svetlana Malysheva, Dr.Sc. (History), Professor, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru; svetatuebingen@mail.ru